

Ирина Николаевна Артемьева

Некоторые проблемы якобинской диктатуры в публицистике Жюль Валлеса

Французский ежегодник 1986

М.: Наука. 1988. С.222-

Веб-публикация: *Vive Liberta*, 2012

Опыт Великой французской революции привлекал пристальное внимание многих публицистов Парижской Коммуны, которые обращались к нему, стремясь найти ответы на актуальные вопросы современной им политической борьбы. Проблемы революции конца XVIII в. занимают важное место и в публицистике Жюль Валлеса (1832–1885), участника Парижской Коммуны, выдающегося революционно-демократического писателя. Его раздумья касались в основном проблем якобинизма. Осмысливая опыт якобинской диктатуры, Валлес пытался решить важные для него вопросы тактики революционной борьбы, взаимоотношений личности и государства, соотношения политики и морали, роли народа в революции. С развитием общественно-политических взглядов Валлеса, все более активным участием писателя в революционной борьбе менялась и его оценка якобинской идеологии, якобинского террора.

Отношение Ж. Валлеса к якобинизму почти не привлекало внимание советских исследователей¹; французские авторы в основном отмечают резко отрицательное отношение Валлеса к якобинизму в 60-х годах, объясняя его лишь влиянием П. Ж. Прудона, но не связывая это с тем, что живой интерес Валлеса вызывали концепции революции таких историков, как Ж. Мишле и Л. Блап². Они не прослеживают, как изменилось и углубилось валлесовское понимание революции, и в частности якобинизма, после Коммуны.

В данном сообщении делается попытка определить отношение Валлеса к некоторым проблемам якобинизма в связи с общей эволюцией его мировоззрения.

¹ Исключение составляет статья Б. В. Гимельфарба (Валлес и его время // Валлес Ж. Юность: Воспоминания бедного студента. М., 1934. С. VII—XXVII), в которой затрагивается проблема валлесовской трактовки якобинизма. Однако ограниченность фактического материала в 30-е годы, когда еще не все статьи и письма Валлеса были собраны и опубликованы, не позволила ему всесторонне рассмотреть эту проблему.

² *Bancquart M.-Cl.* Vallès, écrivain, penseur // *Vallès J. Oeuvres complètes.* P., 1969. Т. I; *Bellet R.* Jules Vallès journaliste. Lille, 1976. P. 348–357; *Gille G.* Jules Vallès, 1832–1885. Ses révoltes, sa maîtrise, son prestige. P., 1941. Т. 1. P. 53–54, 114–115, 156, 471; *Marotin F.* Jules Vallès et la Commune // *Voici l'aube, l'immortelle Commune de Paris.* P., 1972. P. 152–153.

В юности Валлес увлекался республиканскими идеалами Великой французской революции и безоговорочно принимал идеи якобинцев, возрождавшиеся во время революции 1848 г. республиканцами неоякобинского направления³. Шестнадцатилетним юношей он в 1848 г. организовал в Нанте Клуб республиканской молодежи Вандеи и Бретани и во время июньского восстания рабочих призывал идти в Париж, «чтобы спасти народную республику»⁴. О политических взглядах Валлеса в конце 40-х — начале 50-х годов мы можем судить лишь по его воспоминаниям. Так, характеризуя в автобиографическом романе «Бакалавр» свои настроения тех лет, он писал: «Самое большое место в моем сердце занимает моя политическая вера — республиканский пламень... Девяносто третий год — кульминационный пункт истории, Конвент — Илиада, наши отцы — гиганты»⁵. В одном из писем к Г. Мало, где речь шла об отношении к бонапартистскому перевороту 1851 г., Валлес подчеркивал, что он «призывал к оружию всей силой своих якобинских легких. Я еще был якобинцем»⁶. Молодой Валлес был увлечен идеей революции, но, вероятно, в то время еще не задумывался достаточно глубоко о революционной теории.

После поражения революции 1848 г. и наполеоновского переворота в условиях жестокой политической реакции Валлес, как и многие его современники, испытал некоторое разочарование в эффективности политической борьбы. О чувстве растерянности и безнадежности, охватившем его, он писал уже в памфлете «Деньги» (1857). Размышляя о судьбе своего поколения, он говорит, что вступил в жизнь накануне революции 1848 г. и, окрыленный надеждой на свободу, окунулся в борьбу. Но вскоре «одни оказались на скалах в ссылке, другие — на соломе в застенках, самые счастливые — перед лицом смертельного врага». И теперь, «клянусь вам, половина из нас не пойдет по улицам за цветными платками, называемыми знаменами, которые неловкие руки держали над немощными головами» (I, 12–13). Изменилось и его отношение к якобинизму. Этому способствовало и более глубокое знакомство Валлеса в 50–60-е годы с доктриной П. Ж. Прудона⁷.

В 60-х годах Валлес стал журналистом и редактором ряда газет («Рю», «Пёпль», «Рефрактер»). Он находился в явной оппозиции к режиму Наполеона III. Статьи Валлеса этого периода раскрывают его политическое мировоззрение. Валлес, подобно

³ Характеристику неоякобинского течения подробнее см.: *Арну А.* Народная история Парижской Коммуны. Пг., 1919. С. 132; *История Парижской Коммуны 1871 г.* / Под ред. Э. А. Желубовской, А. З. Манфреда и др. М., 1971. С. 277–278.

⁴ *Gille G.* Op. cit. P. 29.

⁵ *Vallès J.* Oeuvres complètes. P., 1969. Т. II. P. 52. Далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием в скобках тома и страницы.

⁶ *Vallès J.* Correspondance avec Malot. P., 1969. P. 221.

⁷ Подробнее см.: *Артемьева И. И.* Валлес и Прудон // *Вестн. ЛГУ.* 1984. № 2. С. 66–72.

Прудону, отрицал тогда идею революционной диктатуры и вооруженную борьбу как способ общественных преобразований, утверждал, что революция должна быть социальной, а не политической, хотя ни в одной из статей не раскрывал своего понимания «социальной революции» и не объяснял, какие конкретные социально-экономические мероприятия составляют ее суть. Валлес выступал против централизованного авторитарного государства, считая, что оно ущемляет свободу личности и ведет к произволу диктатора. Его отношение к политической деятельности противоречиво: активно участвуя в политической борьбе, он подчас скептически отзывался о политике и политических партиях, полагая, что они сковывают своих членов дисциплиной, обязанностью защищать идеи партии («Новые книги», 1864; «Завещание г-на Прудона», 1865; «Прудон», 1865; «Искренне говорящие», 1867). Вместе с тем уже до Коммуны Валлес не был последовательным прудонистом и не отвергал полностью идею революции, как утверждают некоторые французские исследователи (Г. Жиль, Р. Белле). Он воспринял лишь ряд идей Прудона и подверг их своеобразному переосмыслению. Это подтверждается и увлечением Валлеса несовместимыми с прудонизмом идеями Л. О. Бланки.

В 60-х годах Валлес по-прежнему называл революцию 1789—1794 гг. «самой прекрасной страницей нашей истории»⁸. Что касается якобинизма, то он начинает глубже задумываться над ним. В этом плане особый интерес представляет статья «Культ античности и якобинский культ» (1864), рецензия на романизированные мемуары г-жи Ролан. Рассуждая о якобинской диктатуре, Валлес особо выделяет две проблемы — революционного насилия и авторитарной государственной власти; вторая из них неразрывно связана с вопросом о взаимоотношениях личности и государства.

Став сторонником бескровного разрешения общественных конфликтов, Валлес в одной из своих статей пишет, что насилие недопустимо даже во имя высокой и гуманной цели и не может привести к победе революционных идеалов: «Сама свобода умерла бы в такой победе»⁹. Он в принципе отвергает революционный террор, осуществлявшийся якобинцами: «Необходимо было сохранять терпение и спокойствие, когда другие разжигали пожар, взывать только к справедливости и никогда — к силе»¹⁰. Ведь террор, утверждает Валлес, противоречил идеям свободы, справедливости, милосердия, добра, лежавшим в основе революции. Правда, сложность политической ситуации того времени, предельное обострение происходившей борьбы служили для Валлеса в какой-то мере оправданием якобинского террора. Он признавал, что в столкновении жирондистов и монтаньяров последние занимали более последовательную позицию: «Истина и спра-

ведливость были в этой ужасной схватке на вершине Горы... Когда война уже идет, можно ли обвинять генералов в том, что, стремясь выиграть битву, они жертвуют еще одним батальоном? Я нахожу, что монтаньяры более логичны, чем жирондисты»¹¹. Отметим, что, доказывая безграничную приверженность Валлеса прудонизму, французские исследователи оставляют без внимания его размышления подобного рода¹².

Валлес не принимает и принцип «общественного спасения», выдвинутый якобинцами, служивший идеологическим обоснованием террора. Он, по существу, отождествляет этот принцип с принципом «государственного интереса», которым в годы Второй империи оправдывались всевластие императора, нарушение политических и нравственных норм, полное подчинение индивидуальной свободы произвольно толкуемым интересам государства. Нельзя, подчеркивает Валлес, «приносить в жертву характер и права личности ни потребности в славе, ни государственным интересам»¹³. В 60-х годах XIX в. якобинская диктатура представлялась ему примером такой же авторитарной, все подавляющей государственной власти, как и бонапартистский режим.

В статьях «Новые книги», «Культ античности и якобинский культ», «Прудон», «Искренне говорящие» Валлес резко критикует руководителей якобинской диктатуры. Он считает их фанатиками, а любой фанатизм, в том числе и революционный, для него неприемлем, так как, по его мнению, ведет к нарушению свободы, принципов истинной демократии. «Революционные священнослужители (фанатики.— И. А.) кажутся мне самыми страшными врагами революции и свободы» (I, 589), — заявляет Валлес, имея в виду как Робеспьера и монтаньяров, так и современных ему неоякобинцев. Робеспьер для него — воплощение авторитаризма и террора. Валлес называет его «односонной личностью», упрекает в том, что он «заглушил „неудобный голос“ демуленов»¹⁴. «Наполеон III отлично знает, что Робеспьер — старший брат Бонапарта, и тот, кто защищает республику именем власти, — на деле неловкий защитник империи», — пишет Валлес в романе «Инсургент», подчеркивая, что принцип «общественного спасения», оправдывавший террор, открыл путь наполеоновской диктатуре¹⁵.

С острой неприязнью упоминает Валлес о Руссо, которого Робеспьер и Сен-Жюст считали своим учителем. В «Общественном договоре» он видит идейное обоснование диктаторской государственной власти; при этом подчеркивает, что именно Прудон показал ему «ничтожество авторитарных и якобинских идолов» (I, 589). И действительно, Прудон чрезвычайно критически отно-

¹¹ Ibid.

¹² *Bancquart M.-Cl. Op. cit.; Bellet R. Op. cit.; Gille G. Op. cit.*

¹³ *Vallès J. Littérature et révolution. P. 110.*

¹⁴ *Vallès J. Oeuvre. P. 603; Idem. Littérature et révolution. P. 120.*

¹⁵ *Валлес Ж. Инсургент. М., 1960. С. 66.*

⁸ *Vallès J. Oeuvre. P., 1975. P. 603.*

⁹ *Vallès J. Littérature et révolution. P., 1969. P. 107.*

¹⁰ Ibid.

сился к Робеспьеру, которого называл «палачом анархистов»¹⁶, и к его вдохновителю — Руссо. Поскольку в теории Руссо идея прав «естественного человека» сочеталась с требованием подчинить интересы индивида интересам государства, Прудон обвинял Руссо в создании культа государства. В учении Руссо, утверждал он, нашел обоснование своей диктатуры Наполеон I. Из «Общественного договора», утверждал Прудон, Наполеон почерпнул ряд идей для своего гражданского кодекса¹⁷.

Валлес считал идеи якобинцев непригодными для современности и неоднократно заявлял, что революционеры второй половины XIX в. не должны копировать действия революционеров прошлого. Продолжая проповедовать идеалы и методы борьбы французской революции, неоякобинцы, по его мнению, отстают от времени и не понимают новых задач, поставленных перед революционным движением изменившейся исторической обстановкой. Они «повернули идею революции в неправильную сторону, стремясь сделать революцию централизующей, унитарной, т. е. традиционалистской и угнетающей»¹⁸. Валлес подвергает критике и сектантские, догматические тенденции неоякобинцев. Он даже утверждает, что свободно, непредвзято мыслящие люди, далекие от революционных убеждений, лучше служат делу революции и свободы, чем ограниченные догматики, принадлежащие к неоякобинскому течению; признавая право на существование лишь за своей доктриной, такого рода революционеры уподобляются буржуазным политикам Империи. Таким образом, Валлес критиковал в 60-х годах неоякобинцев в основном с прудонистских позиций. Своеобразие валлесовской позиции заключается в том, что он объясняет непонимание неоякобинцами реальных потребностей времени влиянием книжного, оторванного от жизни образования: «Наша политическая вера, слепая и глухая ко всему окружающему, шла к нам из книг» (I, 587).

Как уже отмечалось, на отношение Валлеса к якобинству в 60-х годах повлиял не только Прудон, но и чтение трудов Мишле и Блана. В начале 50-х годов Валлес слушал в Коллеж де Франс лекции Мишле, который покорила его своими республиканскими взглядами, антиклерикализмом, резкой критикой государственного переворота Луи Бонапарта. После того как в 1852 г. Мишле запретили читать его курс, Валлес участвовал в студенческих демонстрациях в защиту историка. Настоящим революционером и республиканцем он считал и Луи Блана¹⁹. В услови-

ях диктаторского режима Империи труды Мишле и Блана о французской революции привлекали пристальное внимание демократической общественности и приобретали актуальное значение.

С этими трудами Валлес был хорошо знаком, и они серьезно повлияли на его отношение к якобинской диктатуре и якобинскому террору. Мишле, видевший в революции прежде всего явление нравственного порядка, не признавал насилие орудием революционных преобразований и считал, что террор, «слепой ко всему, что называется интересом, глухой к политике», погубил революцию, скомпрометровав ее идею, идею «справедливости широкой, благородной, человечной»²⁰. Он не находил реальных различий между идеей «общественного спасения» и принципом «государственного интереса». Не отрицая преданности якобинцев революции, их личной самоотверженности, Мишле осуждал их фанатизм: «...своим корпоративным духом, своей горячей и сухой верой, своим жестким инквизиторским любопытством якобинцы подобны священникам. Это своего рода революционный клир»²¹. Мишле резко критически относился к Робеспьеру и сравнивал с ним Бонапарта. Носителем мудрости, справедливости, великодушия в революции для Мишле был народ, а ответственность за отклонение революции от истинного пути он возлагал на «интеллигентов-честолюбцев», руководивших движением, оторвавшихся от народа и подчинивших его своим ложным теориям²². Как и Мишле, Валлес провозгласил над культом «верховного существа», провозглашенным Робеспьером²³.

К проблеме якобинского террора с особым вниманием относился и Л. Блан. Валлес разделял его мысль о том, что якобинский террор был вызван трагическим стечением обстоятельств, «зачат несправедливостями прошлого и порожден чудовищной борьбой и беспримерными опасностями настоящего»²⁴, хотя решительно не принимал той апологии Робеспьера, которой была проникнута «История Французской революции» Л. Блана. Но, подобно ее автору, Валлес считал недопустимым подчинять принципы нравственности и гуманности соображениям о «всеобщем благе» и «государственной необходимости». В статье о якобинцах Валлес вслед за Бланом противопоставляет доктрины жиронди-

по канонизированному евангелию Революции». Причиной такой резкой оценки явился тот факт, что в 1871 г. Блан, по существу, одобрял версальцев. См.: *Vallès J. Louis Blanc // Europe. 1968. N 470—472. P. 139.*

²⁰ *Michelet J. Histoire de la Révolution française. P., 1851. T. 6. P. 110.*

²¹ *Ibid. P., s. a. T. 2. P. 337.*

²² В 60-е годы Валлес не заинтересовала концепция исторической миссии народа, сформулированная в трудах Мишле, он обратился к ней позднее, после Коммуны.

²³ Подробнее о концепции революции Мишле см.: *Кареев Н. И. Историки Французской революции: Французские историки первой половины XIX в. Л., 1924. С. 145—189; Минина Т. Н. Роман «Девяносто третий год»: Проблема революции в творчестве Виктора Гюго. Л., 1978. С. 20—29.*

²⁴ *Blanc L. Histoire de la Révolution française. P., 1858. T. 10. P. 5.*

¹⁶ Говоря об «анархистах», он имел в виду противников якобинской диктатуры.

¹⁷ Подробнее см.: *Зильберман И. Б. Политическая теория анархизма М. А. Бакунина. Л., 1969. С. 29; Верцман И. Е. Жан Жак Руссо. М., 1959. С. 59, 261; Он же. Ж. Ж. Руссо и буржуазная революция // Вопр. лит. 1961. № 12. С. 151.*

¹⁸ *Vallès J. Oeuvre. P. 898.*

¹⁹ После Коммуны отношение Валлеса к Блану радикально изменилось. В статье «Луи Блан» (1882) он характеризует его как мнимого революционера, «самого большого фразера», который служит «красную мессу

стов, опиравшихся на идеи Вольтера, и якобинцев — последователей Руссо²⁵.

То своеобразное отношение к якобинизму, которое сложилось у Валлеса в 60-х годах, отразилось и на позиции, занятой им во время Парижской Коммуны. Накануне Коммуны он находился в центре политической борьбы, был избран командиром одного из батальонов национальной гвардии, членом ЦК 20 округов. Он восторженно приветствовал революцию 18 марта. Член Совета Коммуны, редактор популярнейшей газеты «Кри дю пёпль», он принимал активнейшее участие в преобразовательной деятельности коммунаров и стал одним из наиболее ярких выразителей их идей и идеалов. Вместе с тем, особенно в первые недели Коммуны, он возражал против мер революционного насилия в отношении сторонников Версаля, против запрещения реакционных газет. Решительный сторонник федерализма, он выступал против централизованной государственной власти, считал, что заседания Совета Коммуны должны быть гласными независимо от складывающейся обстановки. Именно поэтому он вместе с членами прудонистского меньшинства голосовал против организации Комитета общественного спасения, мотивируя свою позицию тем, что это неизбежно приведет к «введению диктаторской власти»²⁶. Если же этот комитет все-таки будет создан, заявил Валлес в ходе дискуссии, его следует назвать Комитетом центрального контроля, ибо Коммуна не должна возрождать традиции и даже внешние формы якобинской диктатуры²⁷.

В годы девятилетней лондонской эмиграции, где Валлес оказался после поражения революции, он осмысливал опыт Коммуны, внимательно наблюдал жизнь капиталистической Англии, заинтересовавшись политэкономией и трудами К. Маркса. Все это заставило его во многом отказаться от идей Прудона. После возвращения на родину в 1880 г. Валлес привлек к участию в своей газете «Кри дю пёпль» одного из первых пропагандистов марксизма во Франции, Жюлья Геда, и сам испытал определенное влияние его идей. Статьи 70—80-х годов показывают, что и в его трактовке якобинизма появились новые акценты.

Иная, чем прежде, оценка якобинского террора содержится в статье 1874 г., посвященной известному роману В. Гюго «Девяносто третий год». Валлес справедливо считал, что обращение Гюго к Великой французской революции было, в сущности, откликом на недавние события Коммуны, и оценивал роман в свете идей и опыта Коммуны. Роман Гюго покорила его глубокой симпатией к восставшему народу, обоснованием законности и справедливости революции.

Вместе с тем в этой статье Валлес во многом расходится с Гюго, Мишле, Бланом в оценке якобинского террора. Пережив Коммуну, он понял, как «ветер гражданских распри» колеблет весы гуманности²⁸, пришел к оправданию совершенных во время Коммуны актов революционного насилия и к осознанию неизбежности насилия в революции вообще. Революционеры 1793 г. были «секретарями суда, а не палачами» — таков бесспорный вывод, вытекающий, по мнению Валлеса, из романа Гюго²⁹. Называя их секретарями суда, он с гораздо большей убежденностью, чем прежде, утверждает законность насилия против врагов революции, насилия, вызванного напряженной классовой борьбой. Именно поэтому наиболее интересным героем романа Валлес считает не Говена, движимого идеями абстрактной гуманности и высшей справедливости в революции. Он почти не останавливается на этом столь важном для Гюго образе и замечает только, что гуманность Говена оборачивается предательством. Его внимание обращено на Симурдена — сторонника беспощадного отношения к врагам революции. Валлес упрекает Гюго в том, что он «не завершил» роман: самоубийство Симурдена в конце романа представляется ему идейной и художественной неудачей Гюго. Хотя автор «Девяносто третьего года» и признавал историческую неизбежность революционного насилия, он, как известно, оставался сторонником нравственного совершенствования человечества как основного пути к преобразованию мира, бескровного утверждения идей свободы и справедливости. В романе идея гуманности и высшей справедливости в конечном счете побеждает принцип террора, революция очищается от насилия самоубийством Симурдена, который как бы сам осознает ошибочность своей прежней позиции. Валлес не мог принять такой развязки.

В последующих статьях «Картина Парижа» (1883), «Революционные вожди» (1884) Валлес еще более решительно снимает ответственность с лидеров якобинцев за кровопролитие во времена террора. Предводители якобинцев выполняли волю народа, утверждает он в статье «Революционные руководители». Робеспьер и Сен-Жюст «всею лишь торжественно поднимали перед Конвентом топор, но металл для него ковали люди из клубов, они же и заострили его» (IV, 889).

В этих суждениях Валлеса выявилась новая концепция роли народа и выдающихся личностей в истории и революционном процессе. В статьях 80-х годов «Мишле и народ», «Красная афиша», «Революционные вожди» и др. он открывает, как ему представляется, «новый исторический закон». Этот закон заключается в том, что начиная с эпохи французской революции народ достиг возраста зрелости и больше не следует решениям и призывам выдающихся личностей, а действует под влиянием внутрен-

²⁵ Подробнее о концепции революции Л. Блана см.: Кареев Н. И. Указ. соч. С. 232—281; Бендрикова Л. А. Луп Блан как историк. М., 1959; Минина Т. Н. Указ. соч. С. 29—39.

²⁶ Цит. по: Молок А. И. Парижская Коммуна в документах и материалах. М.; Л., 1925. С. 330.

²⁷ См.: Протоколы заседаний Парижской Коммуны. М., 1959. Т. 1. С. 445.

²⁸ Vallès J. Quatre-vingt-treize / Par V. Hugo // Les écrivains français devant la guerre de 1870 et la Commune. P., 1972. P. 139.

²⁹ Ibid. P. 144.

них импульсов — идей, сложившихся в массах, выдвигает своих вождей, которые выражают его стремления и настроения, но не могут навязывать народу свою волю. «Глухая и безымянная сила толпы»³⁰ имеет большее значение, чем решения политических лидеров. Валлес уподобляет народных вождей не капитанам, которым все беспрекословно подчиняются, а скульптурам на носу корабля; они олицетворяют народ и плывут туда, куда он их направляет, наполняя ветром паруса. Справедливо утверждая, что именно народ творит историю, Валлес, однако, слишком большое значение придает некоему таинственному стихийному началу, заключенному в нем.

Мысль о скрытой воле народа Валлес воспринял у Мишле, на которого он не раз ссылается в своих статьях этих лет. Подобные идеи были также распространены среди части коммунаров-эмигрантов и нашли отражение в исторических трудах и мемуарах А. Арну, Г. Лефрансе, Б. Малона и др. Эта концепция народа сложилась у Валлеса, как видно из его переписки с Г. Мало, в эмиграции³¹. Опыт Коммуны, во время которой многое совершалось только по инициативе народных масс, а неизвестные выходцы из народа проявляли нередко больше решительности и прозорливости, чем признанные политические лидеры, утвердил Валлеса в этой мысли³².

Согласно Мишле, народ является главной движущей силой истории, и в частности революций. При этом Мишле считал, что «народ» — это нечто единое, действующее благодаря живущему в нем мудрому инстинкту, который ведет его к выполнению требований высшего нравственного закона, определяющего всю историю человечества. Народ олицетворяет собой высшую правду³³. Исторические деятели, великие люди, по мнению Мишле, лишь символизируют те или иные устремления и идеи народа, но не являются творцами истории. Они не более чем «честолобивые марионетки, которых он дергает за нити»³⁴.

Разделяя мысли Мишле о роли стихийного начала в действиях народа, о живущем в нем мудром инстинкте, Валлес в отличие от него отчетливо понимал после Коммуны ведущую роль пролетариата в революционном движении второй половины XIX в. и в последние годы жизни стремился вникнуть в проблемы классовой борьбы. Об этом свидетельствуют, например, статьи «Социальная армия» (1883), «Сент-Антуанское предместье» (1882), «Теоретики. Последователям Прудона» (1884) и др. Так, в статье

«Социальная армия» он называет пролетариат «новой социальной армией», вышедшей на поле политической борьбы, и приходит к выводу, что организованные рабочие должны взять в свои руки капиталистическое производство и обратить его на благо всех трудящихся. «Если обреченные на каторжный труд рабочие смогут объединиться в армию, они станут хозяевами современного производства... Все будет иначе, когда этот мир огня и стали будет вырван у единиц и станет принадлежать всем» (IV, 1520). В этой же статье он призывает к новой битве, «девиз которой — „Власть труда“» (1521).

После Коммуны представления Валлеса о Великой французской революции становятся более многосторонними и полными. В своих статьях он начинает рассматривать события конца XVIII в. с классовых позиций. Валлес размышляет о задачах, движущих силах революции. Он прежде всего характеризует ее как революцию, в которой «буржуазия родилась как политическая сила» и, использовав народную борьбу в своих интересах, заложила основы антинародного, буржуазного государства, где преданы забвению высокие идеалы, вдохновлявшие французов в 1789—1794 гг. Политические режимы, сменявшиеся в XIX столетии, со всей очевидностью подтвердили это. «Многие из тех, кто произнес знаменитую клятву (в Зале для игры в мяч.— И. А.), предали революцию, завещали своим сыновьям расстреливать народ, который тогда помог им в борьбе, а теперь голодает и зовет о помощи»³⁵.

Деятельность различных течений в эпоху французской революции он также начинает оценивать с классовых позиций. В одной из «Картин Парижа» (1883) он подчеркивает, что якобинцы, как и многие другие, оставались буржуазными революционерами. «Если порой они и были великими, то это потому, что народ на своих руках поднимал их над уровнем их класса»³⁶.

Характерно, что в последние годы жизни и к оценке якобинцев Валлес подходит по-новому, с точки зрения классовой борьбы. В статье о ветеране неоякобинизма Ш. Делеклюзе (1883) он отдает должное его героизму и преданности Коммуне, но при этом замечает, что он безнадежно отставал от пролетарской революции; мелкобуржуазный демократ Делеклюз «старался ускорить шаги, чтобы поспеть за стремительным движением федератов, но ему не хватало дыхания»³⁷.

Таким образом, обращение Валлеса к событиям революции конца XVIII в. и трактовка им выдвинутых ею проблем были непосредственно связаны с насущными задачами современности. Вместе с тем эволюция политического мировоззрения Валлеса влияла на его интерпретацию как самих исторических событий,

³⁰ Vallès J. Littérature et révolution. P. 419. «Толпой», «плебсом» Валлес порой вслед за Мишле называл народ.

³¹ См. письма от 27 февраля 1876 г. и 17 мая 1878 г.

³² В таком понимании роли народа, возможно, сказалось и некоторое влияние идей Бакунина, которым Валлес заинтересовался в эмиграции.

³³ Michelet J. Op. cit. T. 1. P. XVI. См. также: *Резюэ Б. Г.* Французская романтическая историография. Л., 1956. С. 336, 344—345, 362—365.

³⁴ Michelet J. Op. cit. T. 1. P. XVIII. О концепции народа в трудах Мишле подробнее см.: *Viallaneix P.* La voix royale. Essai sur l'idée du Peuple dans l'oeuvre de Michelet. P., 1959. P. 292—354.

³⁵ Vallès J. Le Tableau de Paris. P., 1971. P. 385.

³⁶ Ibid.

³⁷ Vallès J. Le Cri du Peuple. P., 1953. P. 307.

так и более общих проблем философско-исторического характера. Решающую роль в эволюции взглядов Валлеса сыграла Парижская Коммуна.

о Парижской коммуне - документы, исследования, мемуары, публицистика, пьесы, стихотворения, романы, живопись и графика, радиопередачи и фильмы
http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm#commune

Жюль Валлес. Парижская коммуна
(историческая драма-хроника , написанная участником событий)
http://narod.ru/disk/14435759001/commune_j-valles.pdf.html